Е.З.

Осколки одного круга

18+

Е. З.

Осколки одного круга

«Автор»
2026

З. Е.

Осколки одного круга / Е. З. — «Автор», 2026

Новелла. Планируется графическая адаптация.В его теле спят два разума, а в груди бьется чужая, древняя сила. Девятнадцатилетний Яр — изгой в родной деревне. Большинство селян обходят его стороной, считая проклятым, но именно к нему обращаются за помощью, когда с полей начинает исчезать пшеница, а люди — падать замертво.

© З. Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дербенник. 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Е. З.
Осколки одного круга

Глава 1. Дербенник.

Сухой зной висел над деревней плотным маревом, выжимая последние соки из земли. Лан стоял у тяжелых дубовых ворот, привалившись плечом к нагретому солнцем частоколу. Сквозь узкую смотровую щель в воротах он вглядывался в золотое море пшеницы.

Там, в самом сердце поля, где колосья стояли особенно густо, воздух будто дрожал вокруг танцующей фигуры Полудницы. Высокая, тонкая, сотканная из раскаленного воздуха и солнечного жара, она перебегала от стебля к стеблю. На ней было истлевшее льняное платье, когда-то бывшее белым, а теперь серое от пыли. Там, где ступала её босая нога, почва мгновенно чернела, редкая трава сворачивалась и осыпалась серым пеплом прямо на сухую землю. Лицо духа было бледным, почти прозрачным, а глаза горели тусклым, безумным огнем.

Недалеко, тяжело переставляя мохнатые козлиные ноги, бродил Полевик. Старый, заросший бурой шерстью до самых глаз, с маленькими рожками, криво торчащими изо лба. В одной руке он сжимал пучок гнилого сена, в другой — травяную веревку. Он не танцевал — он тяжело дышал, и от каждого его выдоха над полем поднималась волна липкого, удушливого зноя.

Лан сжал кулаки так, что побелели костяшки. За этот год Полудница погубила семерых. Мужики, бабы, дети — всех забирала, стоило кому-то задержаться в поле после полудня. Жрецы с их громкими требами лишь на время отгоняли её к лесу, но дух всегда возвращался.

— Опять высматриваешь? — знакомы голос прозвучал совсем рядом, заставив Лана вздрогнуть. — Третий день подряд. Она тебя, небось, уже в лицо знает.

Миролюб встал рядом, жуя травинку и щуря свои необычные, светло-карие глаза на солнце. На его смуглом лице играла самая беззаботная из всех возможных улыбок. Казалось, молодого жреца совершенно не волновало, что прямо за воротами, нечисть уничтожает урожай. Он выглядел так, словно вышел прогуляться перед обедом.

— Сколько можно? — глухо спросил Лан, не отрывая взгляда от пляшущей фигуры. — Семь душ за лето. А ваши жрецы только руками разводят, говорят, слишком сильная эта тварь.

— А что им ещё делать? Ты сам знаешь, что тут нужно кое-что по сильнее чем молитвы и дары, — Миролюб лениво сплюнул травинку и поправил тяжелую черную косу, перекинутую через плечо. — И твое стояние туточки каждый день тоже пользы не несет, Лан, только время тратишь попусту. В итоге всё равно будем просить помощи у…

Лан медленно повернул голову. Взгляд его серых глаз потяжелел, а губы сжались в тонкую линию.

— Я не буду у одной нечисти просить помощи в избавлении от другой нечисти, — отчеканил он.

— Да брось, разве ж это нечисть?

— Это не мой…, — Лан запнулся. — Это больше не тот человек, которого мы знали. И мне хватило ума это понять, в отличие от тебя. Наш долг — защищать деревню, а не ходить на поклон к нежити за помощью.

— Он не нежить, — продолжал гнуть своё Миролюб.

Лан хотел снова возразить, но перехватил взгляд Миролюба. Тот больше не улыбался и беззаботность с его лица слетела, как шелуха.

— Ладно, — сдался Лан, чувствуя, как отступает его праведный гнев. — Пошли. Но если он потребует в уплату кур или мед, я сам переломаю ему руки.

Они шли сквозь деревню молча, и каждый их шаг отдавался глухим эхом в повисшей над домами тишине. Лан шел впереди, стараясь не замечать, как провожают их взгляды.

Слева, за низким частоколом, темнел сруб старой вдовы — почерневшие бревна вросли в землю по самые окна, затянутые мутным бычьим пузырем. Справа, у резного крыльца добротной избы гончара, замерли в тени забора две курицы, и даже они не смели квохтать, провожая жрецов стеклянными глазами. Из-под ворот одного из домов, глухо рыкнув, высунулась лохматая собачья морда, но тут же спряталась обратно, словно почуяв в идущих что-то неправильное.

Миролюб, в отличие от Лана, шагал расслабленно, с любопытством вертя головой. Он без стеснения заглядывал в распахнутые калитки, кивал почерневшим от времени конькам крыш и сдул с носа липкую паутину, свисавшую с резных наличников.

Бабы у колодца, черпавшие воду, замолчали на полуслове. Одна так и застыла с коромыслом на плече, медленно и мелко перебирая оберег на шее — костяную фигурку лося; другая просто застыла, уставившись на гостей пустым, тяжелым взглядом. В приоткрытых ставнях соседних домов мелькали и тут же исчезали любопытные детские лица. Старики, сидевшие на завалинках, торопливо прятали деревянные ложки за спину и низко опускали головы, делая вид, что дремлют или вовсе не замечают процессию. У одного из плетней, скрестив руки на груди, застыл кузнец — его лицо, покрытое сажей, превратилось в непроницаемую маску, но глаза следили за каждым движением Лана.

Слухи ползли быстрее змеи: раз жрец и воин идут в сторону старого пруда, значит, беда в деревне стала совсем черной. Лан чувствовал этот липкий, тяжелый страх кожей. Он сжал челюсти так, что желваки заходили ходуном, и ускорил шаг, стараясь быстрее миновать эту узкую улочку, пропахшую сушащимися травами, печным дымом и чужой, трусливой злобой. Миролюб же лишь усмехнулся в ответ на очередной тяжелый взгляд и поправил косу, словно наслаждаясь всеобщим вниманием.

Неприметная землянка будто бы вросла в склон холма и стала его частью. Снаружи она выглядела как обычный погреб, крытый дерном, с низкой дверью. Изнутри не шел дым, не пахло ни хлебом, ни похлебкой — только сырым мхом, остывшим пеплом и чем-то еще, неуловимо чужим.

—Ты здесь, брат? — Миролюб постучал костяшками пальцев по дереву.

Ответа не последовало. Жрец толкнул дверь и заглянул внутрь. В лицо пахнуло прохладой и чем-то неуловимо древним, словно они вошли в чащу старого леса, где не ступала нога человека.

В полной темноте землянки, прямо на утоптанном земляном полу, лежал Яр. Он не спал — Лан видел, как под тонкими веками беспокойно двигаются глазные яблоки. Парень что-то неразборчиво бормотал, бледность его кожи в полумраке казалась почти трупной.

— Яр, — позвал Миролюб чуть громче. — Можно?

Парень вздрогнув приоткрыл веки, тяжело вздохнул и сел, щурясь от яркого прямоугольника света, падающего из дверного проема. Его темно-зеленые глаза казались почти черными в тени. Он выглядел так, словно не спал несколько суток, и всё его изможденное тело кричало об усталости. Когда он двигался, казалось, что под его кожей течет не только кровь, но и густая, темная вода.

— Ты тоже пришел просить о помощи? — голос Яра был тихим и безразличным. Он смотрел прямо на Лана.

Лан, стоявший за плечом Миролюба и уже яростно жалевший о том, что решил прийти сюда, вздрогнул. Яр не мог его видеть — солнце было незваным гостям в спину, оставляя воина в густой тени. Но вопрос прозвучал так, будто Яр смотрел ему прямо в душу. Словно та, вторая сущность внутри него, услышала тяжелое, полное застарелой обиды сердце Лана.

Лан открыл рот, чтобы бросить что-то резкое, но горло перехватило. Он вспомнил одиннадцать лет назад, такой же жаркий день, и то, как Яр, тогда еще обычный мальчишка, недожавшись его, ушёл один к реке. Вспомнил, как на следующий день глаза Яра стали пустыми, а кожа — белой, как известь. Лан ничего не ответил. Резко развернувшись, он кулаком по сухому косяку и вышел на улицу, под палящее солнце, не оглядываясь.

Яр чуть заметно улыбнулся одними уголками губ, провожая его взглядом. В этой горькой, понимающей усмешке не было обиды — только бесконечная, привычная тяжесть.

— Он всё еще не может принять, — хмыкнул Миролюб, переступая порог и присаживаясь на корточки у входа. — Полудница, Яр. Всё ещё лютует. Наши жрецы…ну ты сам знаешь на что они годятся, а люди мрут. Кроме тебя, никто не достучится.

— Я подумаю, — ровно ответил Яр.

Миролюб тяжело вздохнул, поднимаясь. Он хотел сказать что-то еще, но передумав, хлопнул Яра по худому плечу и вышел, прикрыв за собой дверь.

Как только шаги жреца стихли на тропинке, Яр прислонился спиной к холодной стене и сделал глубокий вдох.

— Что думаешь? — произнес он в темноту громким, звенящим шепотом. — Ты видела их лица? Больше ждать нельзя.

Воздух будто сгустился, потяжелел, запахло горькой полынью.

— Ты не должен соглашаться, — голос, прозвучавший прямо в голове Яра, был женским, глубоким, но сейчас в нем звенел холодный металл. — Полудница — не дворовая шишига, с которой можно договориться. Ты хочешь помочь, а я прошу тебя не вмешиваться.

— Опять ты за свое, Томила. — Яр снова лег и прикрыл глаза. — Мы уже встречались с ней. В прошлом году, помнишь? Она просто охраняла свой круг. Мы ни разу не применили силу, я просто поговорю с ней.

— Ты смеешься над моими страхами? — голос внутри стал тише, в нем зазвучала глухая, вибрирующая тревога. — Ты не понимаешь. Полудница достаточно сильна, чтобы вытянуть из тебя жизнь быстрее, чем мы успеем что сделать. Каждое использование наших сил выжигает тебя, Яр. Я чувствую, как трещит твое человеческое тело. Ты пустеешь.

— Лучше пустая оболочка, чем мертвая деревня, — отрезал он, открывая глаза. Темнота землянки больше не казалась ему такой густой — он видел в ней каждую пылинку, каждую нитку паутины, чувствовал медленный пульс корней под землей. — Я устал сидеть здесь и выжидать, что оно всё само разрешиться. Если я могу помочь, я помогу.

Берегиня долго молчала. Яр чувствовал, как её дух ворочается под его ребрами, тяжелый и плотный, словно спящий медведь в берлоге. — Если ты потеряешь контроль, я не смогу тебя удержать, — наконец выдохнула она, сдаваясь. — Иди. Но держись за моей спиной. И если она предложит тебе танец — не соглашайся.

— Я не умею танцевать, — Яр поднялся на ноги. Бледность на его щеках сменилась лихорадочным румянцем — тело отзывалось на пробуждение древней силы. — Ты же знаешь, я всегда осторожен.

Он подошел к двери, и неторопливо потянул её на себя. Яркий солнечный свет ударил в глаза, заставив на мгновение зажмуриться.

— Осторожность — это когда ты не лезешь в пекло ради людей, которые плюют тебе вслед, — проворчала Томила, но в её голосе уже не было прежней стали.

Яр не ответил. Он шагнул за порог и босыми ногами пошел по утоптанной тропинке в сторону пшеничного поля, туда, где в знойном мареве всё еще танцевала черная фигура Полудницы, а рядом с ней тяжело топтался старый Полевик. Его длинные волосы тяжело качались в такт шагам, а в груди, под самым сердцем, просыпалась вековая сила, натягивая человеческую кожу до предела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.